

РОБЕРТ ЛИГТЕЛЛ,
писатель (США)

СИМВОЛ МАТЕРИ РОССИИ В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Мать Россия всегда имела в своем арсенале особые наказания для интеллигенции, которые Американская Конституция определяет как “жестокие и необычные”. Вспомним описание Толстым в рассказе “Хаджи Мурат” наказания, которое наложил Николай I на польского студента, напавшего на своего профессора: “Заслуживает смерти, но, слава Богу, у нас нет смертной казни и я не собираюсь вводить ее. Прогоните его сквозь строй 1000 солдат 12 раз”. Самые жестокие и наиболее необычные наказания ждали мужчин и женщин, которые были настолько отважны, что писали слова на бумаге. Как писатель, я часто возвращаюсь к эпизоду в книге А. Солженицына “В круге первом” (это был “первый круг” настоящего ада, который описывал Солженицын, и понятно почему). Вы помните сцену: заключенный долго и старательно пишет книгу мелким почерком на туалетной бумаге, затем сворачивает ее в тугий маленький комочек и кладет его в рот, пытаясь при поцелуе передать жене во время единственного в год свидания. Но в последнее мгновение заключенный не выдерживает и проглатывает “книгу”. Для меня эта сцена всегда казалась метафорой того, что происходило с русской литературой во время сталинско-брежневского периода.

Литература не исчезла, как многие на Западе боялись, ее просто “проглотили” и долгое время прятали, ожидая нужного момента.

Осип Мандельштам отлично подвел черту под временем и местом, где художники проглатывали свои произведения, когда сказал, что Россия — это страна, где поэтов убивают за их поэзию. Эта судьба, личная беда человека настолько героического, чтобы быть поэтом, также является отличительной чертой русской поэзии. В Америке поэта не замечают, его поэзию тоже. Мы все знаем о судьбе Мандельштама и о том, как небесной Анне Ахматовой угрожали, как травили ее, а эпические поэмы так и остались не опубликованными.

За год до того, как Надежда Мандельштам умерла, я имел честь встретить ее в Москве. Меня пригласили в маленькую квартиру в пригороде. Она лежала на кушетке, выглядела (по объективным причинам) старше своих лет. Один из молодых поэтов, которые по очереди ухаживали за ней, подал чай. Мы говорили долго о поэзии, о том, что она знала о судьбе ее мужа и о ее книгах, которые по-английски назывались “Надежда о надежде” и “Оставленная надежда” и которые, по моему мнению, являются двумя наиболее правдивыми и смелыми книгами о поэзии, вышедшими из России. Я очень хорошо помню последние слова, которые Надежда Мандельштам сказала мне, и даже могу процитировать: “Не говорите по-английски на лестнице”. Встреча проходила в то время, когда уже можно было говорить по-английски на лестнице, но Надежда Мандельштам, которая жила под тенью другой эпохи, не могла перестроиться.

Я вспомнил о жестоких и необычных наказаниях писателей в России вот почему: недавно я прочитал в газете, что в Москве в 1994 году, когда Солженицын вернулся в Россию, бестселлерами были две книги: “Как стать счастливым котом” и “50 способов похудеть”.

В Америке мы вполне привыкли к такому положению дел. В России же это должно быть подобно взрыву бомбы.